

Рецензия

ПАМЯТИ ПАВШИХ

▲ Повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» за короткое время получила широкую известность. Удивительная простота и безыскусственность повествования о том, как храбро и заодно сражались маленький отряд девушек-бойцов, охраняющий одно из укреплений, как героически он погиб, не могли не обратить на себя внимания режиссеров. И главный режиссер Московского театра на Таганке Юрий Любимов поставил одноименный спектакль. С тех пор не раз инсценировка Юрия Любимова и Бориса Глаголина привлекала внимание театральных коллективов московских и других театров.

И вот в канун Международного дня театра Астраханский театр юного зрителя имени 50-летия Ленинского комсомола показал премьеру спектакля «А зори здесь тихие...» в постановке главного режиссера театра Эдуарда Купцова.

...Неожиданные хлопоты свалились на голову старшины Федота Васкова, когда прибыли под его командование танки, несерьезные танки, молодые и смешливые бойцы, что он лишь вначале пытался переименовать их, а потом рукой махнул. Вся жизнь Федот Евграфович исполнял приказы, всю свою нелегкую жизнь. Трудновато было ему привыкнуть к девочкам, которые не умеют наматывать портянки и его, старшину Васкова, тридцати двух лет, «променяв собой стариком или

чут». По-крестьянски основательным и спорным предстает перед нами Васков в исполнении актера А. Вдовина.

...Ранние российские зори. Покой, затишье... И в благодати этой, опираясь на слезы, теряя в болоте сапоги, которые «на два номера больше», хлюпая грязью (звучковой этот эффект удивительно удачен), пробираются пять девочек и их командир. Пять девочек, пять характеров, пять жизней. Рыжеволосая красавица Женя Кольцова (арт. Л. Милованова), дочка красного командира, всегда вращался в себе и никогда не унывала, выдумщица, с неистощимой фантазией Галля Четвертан (актриса Г. Кладомосова), трогательная в своей детской лики о маме — медицинском работнике. Маленькая переводчица Соня Гурвич (несомненная удача артистки В. Заворотнюк). Угловатая и очень практичная, но в сущности совсем наивная Лиза Бричкина (актриса Л. Бабина). Подтянутая, строгая, но такая добрая и милая со своими девочками Рита Осянина в исполнении А. Ваньковой...

Следует заметить, что между исходным моментом — повестью Б. Васильева — и конечным — постановкой на сцене — существует промежуточный — инсценировка Юрия Любимова и Бориса Глаголина. И этот момент надо принимать во внимание, анализируя полноту воспроизведения на сцене авторской интонации, акцента, духа всей повести. В данном

случае инсценировка явилась существенным препятствием и глубокому восприятию авторской индивидуальности. Перед нами — передача фабулы. В целом спектакль немало теряет оттого, например, что по сути скрытый и замкнутый старшина Васков, который после смерти сына «только трижды и улыбнулся», неожиданно начинает излагать вслух, обращаясь к зрителю, свою биографию и свои мысли. Но ведь иначе и не изложишь то необходимое, что в художественном произведении идет «от автора».

«А зори здесь тихие...» — трагедия. Трагедия о бесчеловечности войны, о несостоявшемся счастье. «А я все счастья ждала. Все мечтала: проснусь — и вот оно, в дверях». — говорит Лиза. И, погибая в трясине, до последнего мгновения она верила, что «завтра» будет и для нее. Ведь так нелепо, так бессмысленно и неправдоподобно умирать в девятнадцать лет... И дело даже не столько в надеждах Лизы на будущее, сколько в том, что каждая из этих девочек «могла нарожать детишек, а те — внуков и правнуков, а теперь не будет этой ниточки. Коротенькой ниточки в бесконечной пряжке человечества, перерезанной ножом». Это говорит старшина Васков над телом Сони Гурвич, чью жизнь прервал нож гитлеровского солдата. Ведь странно то, что никогда уже не напишет Соня письма тому, кто «подарил ей маленькую книжечку Блока и ушел добровольцем на фронт», что никогда не поедет в город учиться Лиза, не увидит своего сына Рита.

Но девушки и в смерти своей остаются победительницами. Ведь они защищали Родину — в самом высоком понимании этого слова. К когда в чашах от гибели отряда Федот умирает: «За что погибл! Дорогу Кировскую берегли, да Беломорский канал!» — тяжело раненная Рита Осянина говорит: «Родина ведь не с канавов начинается. Совсем не отсюда. А мы ее защищали. Сначала ее, а уж потом канав».

Последние сцены спектакля, где одна за другой гибнут девушки в неравном бою с фашистами, очень хороши по своему эмоциональному напалу и психологической глубине. И, как режиссер, звучат над возмущенным залом слова: «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей...» Гаснет свет. Но еще стоят перед глазами зритель и мужественная, стойкая Рита, и озорная Женя, и домысливая Лиза, и непростительная Соня, и фантазерка Галля — все эти милые девушки, и старшина Федот Васков, единственный, кто остался в живых, защищая уголок родной земли.

И. МИЛЬЧИК,
студентка пединститута.